

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Ю. А. Виноградов

ДВА ВЕЛИКИХ
ПРОЛИВА
ИНДИЙСКОГО
ОКЕАНА
В ДРЕВНОСТИ
(БАБ-ЭЛЬ-МАНДЕБ И ОРМУЗ)

Санкт-Петербург
2025

ББК 63.2
УДК 913.1
В49

Рецензенты:

д-р ист. наук В. А. Горончаровский (ИИМК РАН)
канд. ист. наук А. Е. Терещенко (Русский музей)

Виноградов Ю. А.
В49 **Два великих пролива Индийского океана в древности (Баб-эль-Мандеб и Ормуз).** — СПб.: Евразия, 2025. — 256 с.; илл.
ISBN 978-5-8071-0638-4

Проливы, примыкающие к Аравийскому полуострову с востока (Ормуз) и с Запада (Баб-эль-Мандеб), открывают выход к просторам Индийского океана. К ним мореходы устремлялись уже в глубокой древности. По Красному морю египетские корабли шли на юг, в волшебную страну Пунт. Через Ормуз проходил торговый путь, ведущий из Месопотамии в Индию. В монографии освещены вопросы развития морской торговли в регионе на протяжении многих веков, вплоть до раннего средневековья.

Книга рассчитана на всех интересующихся древней историей человечества.

© Виноградов Ю. А., 2025
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2025
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2025

ISBN 978-5-8071-0638-4

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. Баб-эль-Мандебский пролив	14
1.1. География района	14
1.2. Счастливая Аравия	20
1.3. О бронзовом веке юго-западной Аравии ..	39
1.4. Сабейская цивилизация в Аравии и в Африке	53
1.5. Торговые связи Средиземноморья с Индией	69
1.6. Остров Сокотра	95
1.7. Эфиопское завоевание Йемена	111
1.8. Некоторые итоги	118
Глава II. Ормузский пролив	122
2.1. География района	122
2.2. Убейдская керамика в районе Персидского залива	127
2.3. Международная торговля III–II тыс. до н. э.	137
2.4. Дильмун священный	153
2.5. О железном веке юго-восточной Аравии ..	162
2.6. Эпоха эллинизма в Персидском заливе ...	167
2.7. Персидский залив при Аршакидах	187

2.8. Персидский залив при Сасанидах	200	255
2.9. Некоторые итоги	208	
Заключение	211	
Список использованной литературы	217	
Список сокращений	253	

Введение

В изучении истории древнего мира проливам уделяется сравнительно небольшое внимание; во всяком случае, они никогда не выделяются в некое особое единство, сопоставимое с великими реками (Нил, Тигр и Евфрат, Инд и др.). По-своему это вполне объяснимо, поскольку в долинах этих рек зарождалась цивилизация, формировались первые государства и т. д. В сравнении с ними проливы, т. е. некие сравнительно узкие водные пространства, разделяющие участки суши и соединяющие водоемы, чаще всего моря, выглядят не столь привлекательно. Однако это не совсем справедливо, и проливы играли очень важную роль в распространении цивилизации по морским пространствам, открывая путь для мореходов в ранее неизвестные страны. Не вдаваясь в детали, можно с уверенностью считать, что эти географические пункты всегда имели (да и сейчас имеют) немалое стратегическое значение, и контроль над ними обеспечивает возможность доминирования (политического или экономического) в областях, лежащих за их пределами.

- 6 Не следует забывать и о сухопутных путях, которые порой пересекали проливы. В ряде случаев именно они предоставляли самый краткий маршрут между целыми материками (Европа и Азия — Босфор, Европа и Африка — Гибралтар и т. д.). Через проливы периодически осуществлялись переправы, игравшие особую роль в истории человечества. В первую очередь, естественно, вспоминаются переправы, предпринимавшиеся в рамках крупных военных акций и приводившие к серьезным изменениям военно-политической ситуации в регионе: переход персидского царя Дария I через Боспор Фракийский во время похода на европейских скифов, переход Ксеркса, стремившегося подчинить Грецию, через Геллеспонт в 480 г. до н. э. и т. д. Порой результатом таких переправ становились серьезные перемены не только в военной, но и в этнической ситуации: переправа галатов в Малую Азию в 278 г. до н. э. или «прыжок» арабского полководца аль-Тарика через Гибралтар в 711 г. н. э. Особое внимание к акциям такого рода вполне понятно, но никак нельзя забывать, что через проливы легко осуществлялись контакты (экономические, культурные и пр.) между народами, обитавшими по их берегам, и эти контакты имели отнюдь не меньшее, а, может быть, и большее историческое значение, нежели походы великих завоевателей.

При изучении древних проливов в первую очередь следует обратить внимание на одно любопытнейшее обстоятельство. Нетрудно представить себе, что у древних мореходов, устремлявшихся

к отдаленным странам, закономерно возникало представление о контрасте между своим, обжитым, цивилизованным миром и далекой враждебной, потусторонней периферией, что побуждало их «относиться к отдаленным областям ойкумены как к лимитрофным зонам между земным и загробным мирами, мифологизировать отдаленные регионы, помещать там вход в царство мертвых или само это царство»¹. Весьма отчетливо это проявилось в Древней Греции. Проливы в воображении эллинских мореходов выглядели как настоящие проходы в загробный мир, рядом с которыми нарушался привычный порядок вещей, происходили непонятные и опасные явления природы, обитали страшные чудовища и т. д. К примеру, можно указать на движущиеся скалы Симплегады (или Планкты), которые, по преданию, помещали то перед входом в Черное море, то у Геркулесовых столбов, то в Мессенском проливе, в последнем к тому же пребывали жуткие чудовища Сцилла и Харибда². Нетрудно понять, что за входом располагалось само царство мертвых. К примеру, за Боспором Фракийским лежал Понт Евксинский (древнегреч. «Море Гостеприимное» — совр. Черное море). Совсем не исключено, что за этим, в общем, весьма приятным для чело- века названием греки скрывали совсем другую его сущность, т. е. «Гостеприимное море» — это просто эвфемизм. Можно предполагать, что первоначально древними греками Черное море считалось

¹ Джаксон и др. 2007: 17.

² Подосинов 2015: 46, 50–52.

- 8 морем мертвых, а названный эвфемизм служил лишь для прикрытия этой сугубо сакральной сущности. Скорее всего, Понт понимался в увязке с миром, находящимся за пределами земной жизни, — он мыслился как страшное неизбежное море, которое многих «гостей» уже приняло и многих (всех!) примет еще³.

Эпитет «счастливым», «счастливая» в применении к лимитрофным зонам, конечно, тоже вполне уместен. Ведь загробный мир в сознании людей связан не только с ужасом смерти, но и с надеждой на блаженное, безмятежное существование в нем. К примеру, такое определение могло сложиться на основе древнегреческих представлений о существующих на краю ойкумены Елисейских полях или островах блаженных, на которых герои после смерти вели счастливую и безмятежную жизнь. Такое представление было выражено в поэме «Труды и дни» Гесиода (Hes. *Erga*. 167–173).

Керченский пролив в древности назывался Боспором Киммерийским, и имеется немало оснований полагать, что эллинами первоначально он понимался в том же самом, обозначенном выше ключе⁴. Само его название, по всей видимости, было связано с описанной Гомером мрачной и туманной страной киммерийцев (Hom. *Od.* XI. 4), которое соответствует обычным греческим представлениям относительно области Аида⁵. Концентрация в этом

³ Толстой 1918: 153; Иванчик 2005: 81.

⁴ Виноградов 2000а: 120–122.

⁵ Тохтасьев 1999: 12–13; Иванчик 2005: 56–59).

районе «киммерийской топонимики» (Киммерийский перешеек, Киммерийские стены, селение Киммерик) является результатом не существования здесь некоего «Киммерийского царства», а творчества греков-колонистов, стремившихся как-то объяснить древние руины, которые они видели на осваиваемых ими территориях⁶. В районе Керченского пролива эллины особенно остро могли осознать свою сопричастность к «пограничью» между двумя мирами, и местные древние руины находили естественное объяснение как относящиеся к киммерийцам, обитавшим около входа в Аид.

Отвлекаясь от вопросов осмысления проливов первыми древнегреческими мореходами и обращаясь к реальной истории, следует еще раз обратить внимание на важность этих водных артерий для экономики Эллады. Что касается проливов, соединяющих Средиземное море с Черным, то здесь исследователи обычно обращают внимание на значимость хлебного экспорта с северного берега Понта. Контроль над проливами обозначал и контроль над этим экспортом⁷. Любопытно, что Греко-Персидские войны никак не повлияли на функционирование этого торгового пути, хотя во время Ионийского восстания (498 г. до н. э.) греки явно стремились освободить проливы от власти персов (Hdt. V. 103). Когда же афиняне укрепили свою гегемонию в Делосском (Афинском) морском союзе, они поставили ввоз хлеба в Средиземноморье из Черного моря

⁶ Тохтасьев 1999: 7–9.

⁷ Брашинский 1963: 35–55, 89–102, 103–116.

- 10 под самый строгий контроль⁸. Осуществляемый ими контроль проливов стал иметь еще большее значение во второй половине V в. до н. э., во время Пелопоннесской войны.

И. Б. Брашинский, размышляя по этому вопросу, высказал предположение, что ситуация в проливах оказывала серьезное влияние на формирование экономической ситуации в бассейне Черного моря. По его мнению, установленная Афинами морская «блокада» проливов стала стимулом к развитию экономических связей между греческими государствами, расположенными в понтийском регионе⁹.

Что касается Боспора Киммерийского, то он давал возможность для контроля торговых путей, проходивших на восток по реке Кубань, и на север, через Азовское море и по реке Дон. Эта уникальная для Северного Причерноморья ситуация, возможно, объясняет тот факт, что по берегам пролива возникло большое количество древнегреческих поселений (больше, чем во всех других районах греческой колонизации северного Понта — Юго-Западного Крыма и Нижнего Побужья). Керченский пролив неглубок и не очень широк (около 4 км в самом

⁸ Брашинский 1968: 234–235; 1984: 179–180.

⁹ Брашинский 1968. В этой гипотезе смущает одно обстоятельство. В 404 г. до н. э. Афины потерпели поражение в Пелопоннесской войне, и проливы стали свободны для всех. Однако после этого экономические связи причерноморских полисов не только сохранились, но, по признанию автора гипотезы, даже усилились. Более того — афинский импорт продолжал доминировать в Причерноморье по сравнению со многими другими центрами Средиземноморья на протяжении всего IV в. до н. э.

узком месте). Через него всегда легко осуществлялись переправы из Крыма на Таманский полуостров и в обратном направлении. Есть основания считать, что здесь пролегал маршрут военных походов скифов, а также маршрут перекочевков какой-то части их орды из Северного Причерноморья на зимние пастбища Прикубанья¹⁰, этот «торный путь» использовался кочевниками и позднее.

Приблизительно на рубеже V–IV вв. до н. э. на этом сложном «перекрестке» сформировалось самое крупное древнегреческое государство из всех, существовавших в Причерноморье, получившее название Боспор¹¹. По крайней мере, так обозначалась его прилегающая к проливу «сердцевина». Государство сформировалось как наследственная монархия, просуществовавшая здесь почти 1000 лет. Важной особенностью Боспорского царства было то, что оно включало в себя не только ранее независимые греческие города-государства (Пантикапей, Нимфей, Фанагория, Кепы, Гермонасса, Горгиппия), но и целые варварские племена (синды, тореты, керкеты и др.). На мой взгляд, один из существенных моментов жизнестойкости этого государственного образования заключался в том, что оно располагалось на берегах пролива и, соответственно, в случае негативных перемен в мире воинственных кочевников региона могло найти союзников либо среди племен Прикубанья — Предкавказья,

¹⁰ Вахтина и др. 1980; Виноградов 2005: 214–220; 2009: 68–71; 2023: 167–174.

¹¹ Гайдукевич 1949; Завойкин 2013.

12

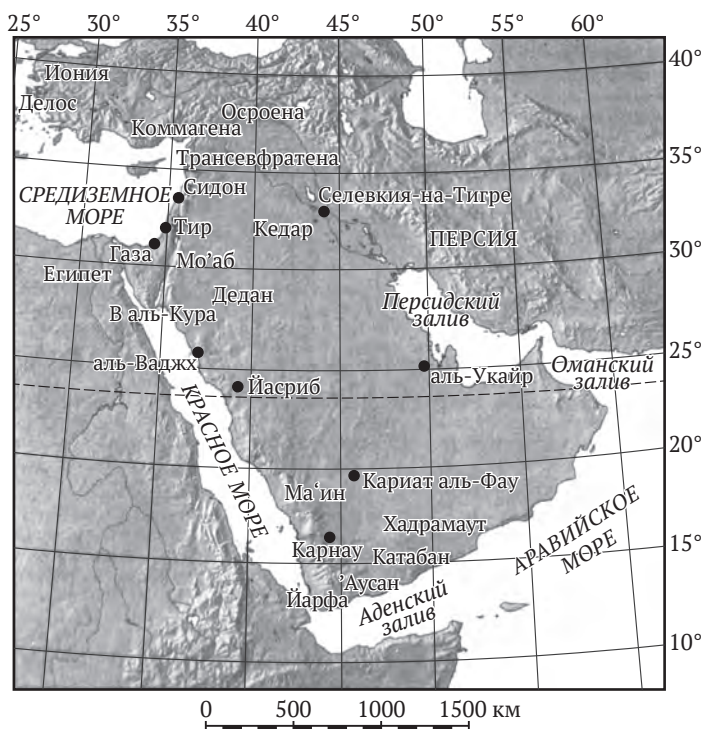

Рис. 1. Аравийский полуостров и прилегающие земли (по Бухарин 2009а)

либо среди народов, обитавших в Крыму и Северном Причерноморье. Для владык Боспора поиск союзников среди местных варваров был значительно облегчен самим географическим положением государства, нежели для элиты других крупных греческих государств региона — Олвии и Херсонеса Таврического¹².

¹² Виноградов 2005: 261–262.

Кратко обозначив некоторые исторические проблемы, связанные с историей Черноморских проливов в античное время, можно обратиться к основной теме этой книги — великим проливам, прилегающим к Аравийскому полуострову — Баб-эль-Мандеб (с запада) и Ормуз (с востока) (рис. 1). Понятно, что в плане культурно-исторического развития сопредельных им территорий эти водные артерии должны иметь немалую специфику, но в обоих случаях (и в Баб-эль-Мандебе, и в Ормузском проливе) не вызывает сомнения, что для Средиземноморья особое значение имело их положение на торговых путях, ведущих в Индийский океан. Первый опыт исследования проблематики, связанной с названными проливами, увидел свет почти десять лет назад в периодическом научном издании, которое почти недоступно широкому читателю¹³. Монографическая публикация, как представляется, исправит этот недостаток.

Выражаю мою сердечную благодарность директору отделения Германского археологического института (DAI) в Сане (Йемен) Ирис Герлах за гостеприимство и возможность поработать в библиотеке Института. Выражаю также мою признательность всем сотрудникам этого учреждения, без их участия и доброго отношения это сочинение никогда бы не могло появиться.

¹³ Виноградов 2015.

Глава I

Баб-эль-Мандебский пролив

1.1. География района

Пролив, соединяющий Красное море с Аденским заливом и, соответственно, разделяющий Азию и Африку, сейчас называется Баб-эль-Мандебским (рис. 1), что в переводе с арабского означает «Врата скорби», «Ворота слез» или т. п.¹ Трудно сказать, когда это название укоренилось в местной топонимике, но можно полагать, что с ним в немалой степени связан целый пласт мифологических представлений, имеющих отношение к данному району. В их ряду, конечно, стоит название Счастливая Аравия, а, возможно, и название города Аден. Отвлекаясь от мифологии, следует указать, что пролив сейчас имеет очень небольшую ширину, так что переправа через него не может вызывать больших затруднений. В глубокой древности, во времена оледенений, когда значительные массы воды концентрировались в полярных ледниковых шапках и уровень мирового океана понижался, эта возможность становилась

¹ Пирен 1970: 18; Lapidoth-Eschelbacher 1982: 130.